

В.М. Дьяконов<sup>1, 2✉</sup>, Е.Н. Соловьёва<sup>1, 2</sup>, В.В. Охлопков<sup>2</sup>,  
К.И. Старков<sup>2</sup>, А.А. Иванов<sup>2</sup>, А.Д. Степанов<sup>1</sup>

<sup>1</sup>Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

<sup>2</sup>Арктический научно-исследовательский центр РС(Я)

Якутск, Россия

E-mail: arkh\_muz@mail.ru

## Предварительные итоги изучения неолитического погребального комплекса Ой-Муран на Средней Лене (Республика Саха (Якутия))

*В статье представлены предварительные результаты раскопок неолитического погребального комплекса в местности Ой-Муран на р. Лене в сезон 2025 г. В ходе проведенных исследований выявлено два грунтовых погребения – парное погребение и отдельное захоронение черепа. Оба костяка парного погребения сопровождались богатым инвентарем, состоящим из наконечников стрел, фрагментов костяных обкладок луков, составного вкладышевого ножа, костяного кинжала в ножнах с костяными обкладками, а также целой серией кремневых ножей или вкладышей и других изделий. Погребение черепа также сопровождалось несколькими фрагментами костяных обкладок лука. Большинство предметов из сопроводительного инвентаря погребений имеет аналогии в комплексах ымыяхтахской (III–II тыс. до н.э.) и белькачинской (конец V–III тыс. до н.э.) неолитических культур. По фрагменту кости из парного погребения была получена радиоуглеродная дата, относящаяся к середине IV тыс. до н.э. На основании этой даты комплекс хронологически относится к периоду существования белькачинской культуры и в то же время к финальной стадии существования сылахской культуры (V – середина IV тыс. до н.э.) раннего неолита. Подобная ситуация не позволяет однозначно атрибутировать погребальный комплекс в местности Ой-Муран как белькачинский. Отсутствие охры в захоронении, наличие которой характерно для белькачинских погребений Якутии, также не позволяет однозначно отнести данный погребальный объект к этой археологической культуре. Кроме того, каменные изделия погребального инвентаря находят аналогии в серовских комплексах Прибайкалья, Ангары и верхней Лены.*

Ключевые слова: Ой-Муран, Якутия, погребальный комплекс, парциальное погребение, неолит, Средняя Лена, погребальный инвентарь.

V.M. Dyakonov<sup>1, 2✉</sup>, E.N. Solovyova<sup>1, 2</sup>, V.V. Okhlopkov<sup>2</sup>,  
K.I. Starkov<sup>2</sup>, A.A. Ivanov<sup>2</sup>, A.D. Stepanov<sup>1</sup>

<sup>1</sup>Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

<sup>2</sup>Arctic Research Centre of the Republic of Sakha (Yakutia)

Yakutsk, Russia

E-mail: arkh\_muz@mail.ru

## Preliminary Results of the Study of the Oy-Muran Neolithic Burial Complex on the Middle Lena River (Sakha Republic (Yakutia))

*The article presents preliminary results of 2025 excavations of the Neolithic burial complex in the Oy-Muran locality on the Lena River. The conducted investigations revealed two soil burials: a paired burial and a separate burial of a skull. Both skeletons from the paired burial were interred with a significant grave good set including arrowheads, fragments of bone bow covers, a composite inset knife, a bone dagger in a sheath with bone covers, as well as a series of flint knives or inserts and other artifacts. The skull burial was also associated with several fragments of bone bow covers. Most of the items from the grave good set have parallels in the complexes of the Ymyyakhthakh (III–II millennia BC) and the Bel'kachi (late V – III millennia BC) Neolithic cultures. Radiocarbon dating of a bone fragment from the paired burial indicated the mid IV millennium BC. Based on this date, the complex*

*belongs to the period of the Bel'kachi culture chronologically, but there are features attributable to the terminal stage of the Syalakh culture (V – mid IV millennium BC) of the Early Neolithic. Such a situation does not provide solid grounds for a definitive attribution of the Oy-Muran burial complex to the Bel'kachi culture. The lack of ochre in the burial, which is characteristic of Bel'kachi burials in Yakutia, also prevents a definitive classification of this burial site to that archaeological culture. Furthermore, stone artifacts from the grave tool set show parallels with complexes from the Serov culture of the Baikal region, the Angara, and the Upper Lena.*

Keywords: Oy-Muran, Yakutia, burial complex, partial burial, Neolithic, Middle Lena, grave good set.

Погребальные комплексы эпохи неолита относятся к числу довольно редких и слабо изученных памятников археологии Якутии. К настоящему времени известно ок. 20 подобных объектов, представленных одиночными погребениями, группами из двух одиночных погребений и небольшими могильниками. Выявление каждого подобного объекта является значимым событием для археологической науки. Раскопки в сезон 2025 г. погребального комплекса в местности Ой-Муран стали таким событием и открыли новые перспективы в изучении погребальных традиций древнего населения Якутии.

Погребальный комплекс Ой-Муран располагается на левом берегу р. Лены, в Хангаласском улусе Республики Саха (Якутия), на территории 4-го Мальжагарского наслега, в 10 км выше по реке от наслезного центра с. Едей (рис. 1). Погребение было обнаружено в 2018 г. жителем с. Едей, местным краеведом А.А. Филипповым на окраине бывшей деревни Ой-Муран, где в осыпающемся береговом обрыве р. Лены обнажился череп человека. К раскопкам удалось приступить только в 2025 г. Работы проводились совместным отрядом Арктического научно-исследовательского центра РС(Я) и Якутской комплексной лаборатории археологии Крайнего Севера ИАЭТ СО

РАН под руководством В.М. Дьяконова и Е.Н. Соловьёвой.

**Погребение 1.** На крутом склоне 18–20-метровой террасы правого приустьевых мыса ручья Сарылах в ходе раскопок было выявлено парное парциальное погребение, состоявшее из костяка взрослого человека (костяк 1), рядом с которым были уложены расчлененные останки второго индивида, предположительно подростка (костяк 2). Костяки ориентированы вдоль реки. Взрослый костяк лежал головой вверх по течению. Правая рука находилась в вытянутом вдоль тела положении, левая лежала кистью на тазовых костях. Костяк 1 располагался в правильном анатомическом порядке и сохранился почти полностью, за исключением некоторых утрат – отсутствуют кости правой голени, часть костей обеих стоп, некоторые кости кистей рук. Утраты, вероятно, связаны со склоновыми эрозионными процессами.

Слева от взрослого костяка, на одном уровне, практически вплотную к нему, в беспорядке были сложены кости подростка неполной комплектности с отдельными обломками черепа, которые апплицируются в фрагмент основания черепа (рис. 2). Сохранившаяся правая подвздошная кость таза подростка не имеет гребня и других элементов, еще не сращен-

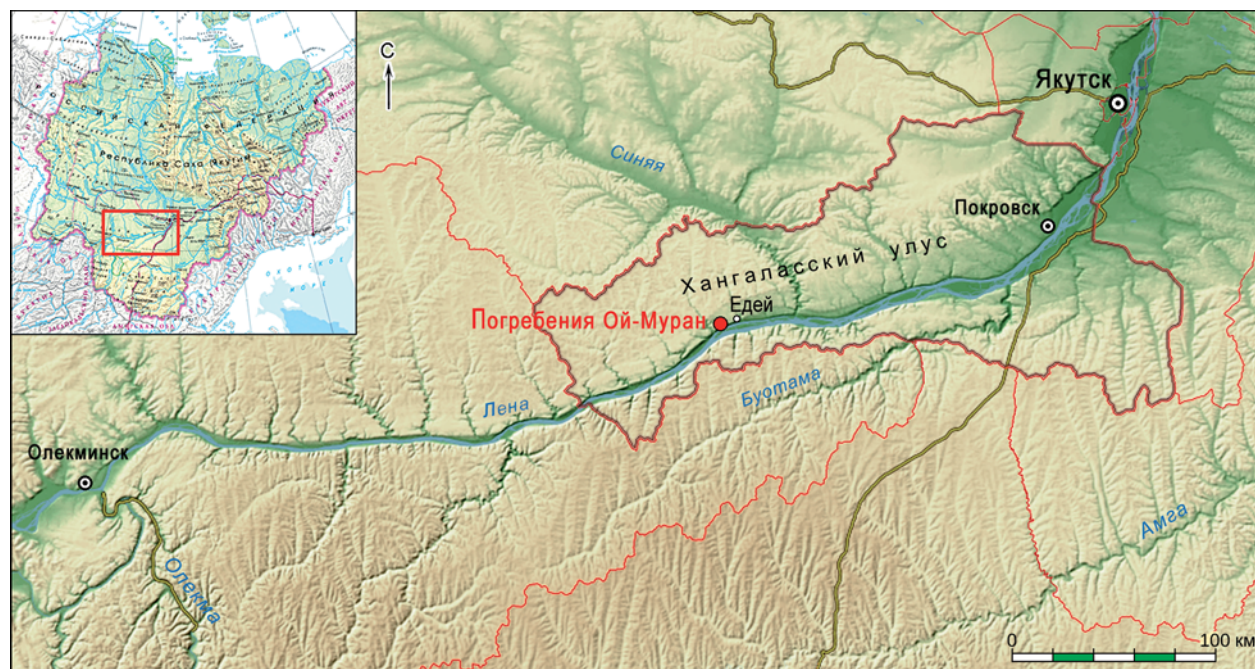


Рис. 1. Карта расположения погребального комплекса Ой-Муран.



ных с основным телом таза и утраченных. Подобное состояние соответствует возрасту до 15–17 лет. Форма крыла соответствует женскому строению. Отсутствие эпифизов на костях рук и ног подтверждает подростковый возраст.

В ходе раскопок зафиксировано едва заметное изголовье погребальной ямы подпрямоугольной формы. Каких-либо других следов, пятен или контуров погребальной ямы ни в процессе раскопок, ни в планиграфии, ни на профилях стенок раскопа не было выявлено, что, впрочем, является характерной особенностью большинства древних погребений Якутии.

Оба костяка сопровождалась богатым погребальным инвентарем из камня и кости. Каждый из погребенных был снабжен усиленным луком, деревянные кибиты которых не сохранились, но были прослежены по присутствию древесного тлена и наличию большого количества костяных обкладок, некоторые из которых имели резной орнамент в виде пары горизонтальных линий (рис. 3, 1). Обкладки, обнаруженные у второго костяка, собираются полностью и дают первичное представление о размерах лука и его конструкции. Длина отдельных обкладок составляет от 13 до 24 см, при ширине ок. 1 см. По предварительной реконструкции лук, усиленный этими костяными обкладками, имел размеры не менее 80 см. Концы лука, видимо, как и костяные обкладки, имели приостренные окончания. Обкладки, найденные при костяке 1, сохранились не полностью, представляя только часть лука (половину?). Один конец одной из обкладок приострен. О длине обкладок пока судить затруднительно, т.к. они сильно фрагментированы. Между тем ширина обкладок превышает 1 см, что позволяет сделать заключение о большей длине и мощности лука, чем у лука, найденного у костяка подростка.

Костяки сопровождалась каменными наконечниками стрел различных типов (рис. 3, 2), аналогии которым имеются как в культурах раннего (сылахская культура), так и позднего этапов неолита (ымыяхтахская культура) Якутии и сопредельных регионов (серовские комплексы Прибайкалья, Ангары и верхней Лены). Особенно уникально наличие большой серии черешковых наконечников стрел, изготовленных из кремня, кремнистого сланца и халцедона. Помимо массы расположенных бессистемно наконечников черешкового типа встречаются весьма немногочисленные удлинненно-треугольные наконечники (5 экз.), также лежащие по отдельности. Один из таких на-



Рис. 2. Общий вид парного захоронения Ой-Муран в раскопе.

конечников зафиксирован у левой ноги костяка 1, остальные 4 экз. среди костей расчлененного костяка 2. Здесь же, у последнего, были обнаружены иволистные наконечники (2 экз.).

Также в сопроводительном инвентаре расчлененного костяка 2 был найден вкладышевый нож длиной 17,5 см. На одной из сторон костяной основы, по оси изделия, был нанесен резной орнамент в виде прочерченной линии, в пазе сохранились два крупных кремневых вкладыша подпрямоугольной формы (рис. 3, 3). У взрослого погребенного между бедренными костями был найден костяной кинжал (?) плохой сохранности, предположительно вложенный в чехол (ножны) с костяными накладками, от которых сохранился небольшой фрагмент верхней части. На широком полукруглом черешке, отделенном от клинка небольшими плечиками, имеется круглое отверстие, возможно для крепления рукояти (рис. 3, 4). Острие изделия не сохранилось, длина сохранившейся части кинжала ок. 19 см. Рукоять отсутствовала. Рядом с кинжалом, у левого колена, была обнаружена целая серия великолепно двусторонне ретушированных кремневых ножей или вкладыше-



Рис. 3. Детализация находок в раскопе.

1 – орнаментированная накладка лука (косяк 2); 2 – рассеянные наконечники стрел в погребении (косяк 2); 3 – вкладышевый нож, орнаментированный прочерченной линией, с вставленными крупными вкладышами-лезвиями (косяк 2); 4 – костяной кинжал (?) (косяк 1); 5 – костяной кинжал (?), вставленный в костяные ножны, и кремневые ножи или вкладыши (косяк 1); 6 – погребение женского черепа в сопровождении костяных обкладок лука.

вых лезвий полулунной и подтреугольной формы (рис. 3, 5). Кроме того, в могиле были также обнаружены каменный скребок, резец на пластине и несколько кремневых отщепов.

Пока нет определенного объяснения природы захоронения с нарушенной анатомической целостностью косяка 2, принадлежавшего, скорее всего, подростку. Был ли он расчленен перед погребением или же это было вторичное погребение останков умершего ранее, вместе со своим соплеменником или сородичем? Костяк подростка содержит неполный скелет, компактно сложенный без соблюдения анатомического порядка, в т.ч. фрагментированные расколотые части основания черепа, неполный набор длинных костей (всего 5), ребра, обе лопатки, фрагменты таза, отдельные фаланги и позвонки. Позвонки лежали сегментами: шейные – в более-менее анатомическом порядке, ряд грудных в одном ско-

плении, поясничные были раскиданы. Учитывая, что погребение подростка снабдили со всем почитанием различными сопроводительными предметами, которые, по мнению хоронивших, могли пригодиться ему в загробном мире, следует думать, что погребение скорее было вторичным.

**Погребение 2.** В процессе дальнейших раскопок, при зачистке одной из стенок, рядом с погребением 1, северо-восточнее и чуть выше по склону террасы, было выявлено второе парциальное погребение, представляющее собой одиночное захоронение черепа, принадлежавшего, предположительно, женщине, с уложенной под ним пяточной костью человека. Череп, в отличие от черепа из погребения 1, обращен лицом вверх по реке. Вдоль черепа справа лежали только фрагменты костяных обкладок лука, идентичные обнаруженным в погребении 1 (рис. 3, б). Возможно, это часть лука, сопровождавшего косяк 1 из погребения 1.



Черепные швы не облитерированы в полной мере, что соответствует возрасту до 30–40 лет. Поверхность черепа носит следы специфической эрозии с белесым налетом. Зубы имеют сильный возрастной износ, присутствуют поражение кариесом и нестандартные механические повреждения – сколы с отломом дентина и повреждения эмали с остающимися острыми краями. Несколько зубов отсутствует, при этом альвеолярные лунки не подвергнуты резорбции, что, видимо, свидетельствует об их посмертной утрате. Верхние и нижние передние резцы обломаны, однако в лунках сохранились корни. Кроме того, на черепе имеются довольно глубокие неровные борозды, проходящие через теменную область. На лобной доле выделяются борозды, похожие на букву «М». Предполагается, что это могло быть результатом воздействия корневой системы растений. Об этом же может свидетельствовать сильная эрозия теменной области черепа. Определенный интерес представляют два скопления мелких галек, расположенных на одном уровне и недалеко от черепа. Захоронение одиночного черепа здесь, по всей видимости, может иметь определенное сакральное значение и является важным ритуальным дополнением к парному погребению. Это не единственное парциальное погребение черепа, выявленное на территории Якутии. Одиночное погребение черепа известно также по материалам среднеэнеолитического могильника Ту-ой-Хая на Вилюе [Федосеева, 1968].

Интересной и впервые встреченной топографической особенностью погребений в местности Ой-Муран является организация захоронений на крутом склоне берега реки. Погребения приурочены также к пониженному склону стрелки мыса, как бы располагаясь поближе к устью небольшого ручья, что может быть не случайным выбором и сделано преднамеренно. Ориентация погребений, судя по единственному, сохранившемуся правильному анатомическому порядку костяку 1 из погребения 1, имеет очевидную привязку к направлению реки – головой вверх по течению, ногами вниз по реке. В геопространственном плане это соответствует положению головы на запад-юго-запад, ногами на восток-северо-восток. Таким образом, для данного погребального комплекса приоритетной является топографическая привязка, связанная с рекой и верованиями, согласно которым река сопоставлялась с мифической дорогой мертвых, связывающей миры и ведущей в мир мертвых, который, по представлениям древних, находился в устье малых и больших рек [Анисимов, 1958; Тиваненко, 2005; Варавина, 2019, 2021].

Сравнивая ориентацию Ой-Муранского захоронения с погребениями других культур Якутии, следует отметить совпадение с ориентацией захоронений ымыяхтахской культуры, где погребенные так же ориентированы ногами вниз по течению реки. Вместе с тем следует отметить, что у ымыяхтахцев, скорее всего, основной была геопространственная ориен-

тация по сторонам света [Федосеева, 1980; Кашин, 2001; Кашин, Калинина, 1997; Степанов и др., 2012]. В отличие от последних, погребения белькачинской культуры ориентированы ногами или головой к реке [Алексеев, 1987; Козлов, 1980; Кистенев, 1980, 1992].

Сравнительный анализ типов сопроводительного инвентаря находит аналогии в материалах ымыяхтахской культуры позднего неолита Якутии (III–II тыс. до н.э.), а также в материалах сылахской культуры раннего неолита (V – середина IV тыс. до н.э.). В частности, крупные двусторонне обработанные вкладыши и ножи известны по материалам стоянки Белькачи I на Алдане и некоторым другим памятникам. Аналогии черешковым наконечникам стрел известны среди малочисленных экземпляров подобных наконечников в ымыяхтахской культуре. Немногочисленные иволистные наконечники встречаются в материалах белькачинской и сылахской культур [Мочанов, 1969; Мочанов, Федосеева, 1976, 2013; Мочанов и др., 1983; Кашин, 2013].

Луки, усиленные костяными обкладками, имели распространение в ымыяхтахской культуре, о чем свидетельствуют их находки в погребальных комплексах Диринг-Юрях и Кёрдюген [Федосеева, 1992; Алексеев и др., 2006]. Обкладки лука также обнаружены в женском Родинском погребении белькачинской культуры на Колыме [Кистенев, 1980, 1992]. Но самые массовые аналогии костяным обкладкам известны из серовских погребальных комплексов на Ангаре и в Прибайкалье [Окладников, 1950, 1975, 1976]. Там же встречаются характерные вкладышевые орудия с крупными вкладышами, костяные кинжалы, кремневые ножи или вкладыши полулунной формы. Серийные образцы черешковых наконечников стрел являются устойчивой номенклатурой изделий в серовских погребениях [Окладников, 1950, рис. 68; Горюнова, 1997].

Анализ инвентаря не дает однозначного определения хронологии и периодизации Ой-Муранского погребального комплекса. Несмотря на яркий и представительный набор сопроводительных изделий, они датируются в достаточно широком диапазоне от раннего до позднего неолита.

По фрагменту плечевой кости костяку 1 из погребения 1 методом ускорительной масс-спектрометрии в лаборатории Центра коллективного пользования AMS «Golden Valley» в Новосибирске была получена радиоуглеродная дата  $4757 \pm 83$  л.н. (GV-03179). Калиброванный возраст по OxCal\_v4.4.4 показал хронологический интервал в пределах 3655–3364 кал. гг. до н.э. ( $\sigma$  95,4 %), что относит дату к середине IV тыс. до н.э. Относительно принятой археологической периодизации дата указывает на время конца существования сылахской культуры (V – середина IV тыс. до н.э.) и в то же время попадает в период бытования белькачинской культуры (конец V – III тыс. до н.э.). Радиоуглеродная дата выносит возраст Ой-Муранского захоронения за пределы хронологического ин-

тервала ымыяхтахской культуры (III–II тыс. до н.э.), несмотря на сближающее типологическое сходство и аналогии в инвентарном наборе.

Вместе с тем отсутствие охры в захоронениях погребального комплекса Ой-Муран, присутствие которой является отличительной чертой для всех известных к настоящему времени белькачинских погребений, несовпадающая традиция ориентирования погребений (ногами или головой к реке у белькачинцев) не позволяют пока однозначно отнести комплекс и к белькачинской культуре. Также просматриваются некоторые связи погребального инвентаря с сылахской культурой Якутии (V – середина IV тыс. до н.э.), финальной стадии которой соответствует и полученная радиоуглеродная дата, указывающая на середину IV тыс. до н.э.

Таким образом, в местности Ой-Муран обнаружен уникальный погребальный комплекс эпохи неолита с самобытным погребальным обрядом, впервые зафиксированным на территории Якутии, что представляет большой интерес для дальнейшего изучения и позволяет уже сегодня расширить представления о древней истории Ленского края. Однако вопрос о культурно-хронологической атрибуции погребального комплекса Ой-Муран пока остается открытым. В настоящее время можно однозначно говорить лишь о его принадлежности к погребальным традициям неолитического населения Якутии. Для решения этой проблемы необходимо проведение целого комплекса исследований, включающих получение серии дополнительных радиоуглеродных дат, в том числе с учетом возможного пресноводного резервуарного эффекта.

### Благодарности

Публикация подготовлена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0010 «Каменный век Северной Азии: культурный и экологический контекст», а также научной темы АНИЦ РС(Я) НИР «Историко-культурные процессы и материальная культура населения Якутии и сопредельных территорий от каменного века до Нового времени». Авторы выражают искреннюю благодарность А.А. Филиппову за предоставленную информацию о найденном погребении, благодарят главу МО «Мальжагарский 4-й наслег» Хангаласского улуса РС(Я) Н.Н. Осипова за помощь в организации экспедиции.

### Список литературы

**Алексеев А.Н.** Каменный век Олекмы. – Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1987. – 128 с.

**Алексеев А.Н., Жирков Э.К., Степанов А.Д., Шарборин А.К., Алексеева Л.Л.** Погребение ымыяхтахского воина в местности Кердюген // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 2 (26). – С. 45–52.

**Анисимов А.Ф.** Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. – М.; Л.: АН СССР, 1958. – 236 с.

**Варавина Г.Н.** Символика реки и водная этика коренных народов Якутии (на примере эвенков) // Общество: философия, история, культура. – 2019. – № 8 (64). – С. 159–161. – doi:10.24158/fik.2019.8.26

**Варавина Г.Н.** Мировоззренческие и шаманские традиции в эвенкийском фольклоре // Языки и культура хомуса народов Евразии. – Якутск: Северо-Восточ. фед. ун-т, 2021. – С. 423–438.

**Горюнова О.И.** Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 112 с.

**Кашин В.А.** Неолитическое захоронение детей на средней Колыме // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 2. – С. 78–81.

**Кашин В.А.** Неолит Средней Колымы. – Новосибирск: Наука, 2013. – 224 с.

**Кашин В.А., Калинина В.В.** Помазкинский археологический комплекс как часть циркумполярной культуры. – Якутск: Северовед, 1997. – 109 с.

**Кистенев С.П.** Новые археологические памятники бассейна Колымы // Новое в археологии Якутии. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 74–87.

**Кистенев С.П.** Родинское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в экстремальных условиях Крайнего Севера // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 68–83.

**Козлов В.И.** Новые археологические памятники Амги // Новое в археологии Якутии. – Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. – С. 55–61.

**Мочанов Ю.А.** Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. – М.: Наука, 1969. – 255 с.

**Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.** Основные этапы древней истории Северо-Восточной Азии // Берингия в кайнозое. Мат-лы всесоюз. симпозиума «Берингийская суша и ее значение для развития голаркт. флор и фаун в кайнозое» (Хабаровск, 10–15 мая 1973). – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1976. – С. 515–539.

**Мочанов Ю.А., Федосеева С.А.** Очерки дописменной истории Якутии. Эпоха камня: в 2 т. – Якутск: Центр арктич. археологии и палеоэкологии человека АН РС(Я), 2013. – Т. 2. – 485 с.

**Мочанов Ю.А., Федосеев С.А., Алексеев А.Н., Козлов В.И., Кочмар Н.Н., Щербакова Н.М.** Археологические памятники Якутии. Бассейны Алдана и Олекмы. – Новосибирск: Наука, 1983. – 392 с.

**Окладников А.П.** Неолит и бронзовый век Прибайкалья (историко-археологическое исследование). Ч. 1–2 // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – № 18. – 412 с.

**Окладников А.П.** Неолитические памятники средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). – Новосибирск: Наука, 1975. – 320 с.

**Окладников А.П.** Неолитические памятники нижней Ангары (от Серова до Братска). – Новосибирск: Наука, 1976. – 328 с.

Степанов А.Д., Кузьмин Я.В., Ходжинс Г.В.Л., Джалл Э.Дж.Т. Интерпретация обряда и проблемные вопросы Кердюгенского погребения ымыяхтахской культуры (Якутия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4 (52). – С. 51–61.

Тиваненко А.В. Море ушедших предков // Илин. – 2005. – № 2. – С. 62–70.

Федосеева С.А. Древние культуры Верхнего Вилюя. – М.: Наука, 1968. – 271 с.

Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 224 с.

Федосеева С.А. Диринг-Юряхский могильник (типология каменного погребального инвентаря и место памятника в древней истории Северо-Восточной Азии // Археологические исследования в Якутии. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 84–105.

## References

Alekseev A.N. Kamennyi vek Olekmy. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 1987. 128 p. (In Russ.).

Alekseev A.N., Zhirkov E.K., Stepanov A.D., Sharabarin A.K., Alekseeva L.L. Burial of an Ymyiakhtakh warrior in Kyordyughen, Yakutia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2006. No. 2. P. 45–52.

Anisimov A.F. Religiya evenkov v istoriko-geneticheskom izuchenii i problemy proiskhozhdeniya pervobytnykh verovaniy. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1958. 236 p. (In Russ.).

Fedosееva S.A. Drevnie kul'tury Verkhnego Vilyuya. Moscow: Nauka, 1968. 271 p. (In Russ.).

Fedosееva S.A. Ymyiakhtakhskaya kul'tura Severo-Vostochnoi Azii. Novosibirsk: Nauka, 1980. 224 p. (In Russ.).

Fedosееva S.A. Diring-Yuryakhskii mogil'nik (tipologiya kamennogo pogrebal'nogo inventarya i mesto pamyatnika v drevnei istorii Severo-Vostochnoi Azii. In *Arkheologicheskie issledovaniya v Yakutii*. Novosibirsk: Nauka, 1992. P. 84–105. (In Russ.).

Goryunova V.I. Serovskie pogrebeniya Priol'khon'ya (oz. Baikal). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997. 112 p. (In Russ.).

Kashin V.A. Neoliticheskoe zakhoroneniye detei na srednei Kolyme. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2001. No. 2. P. 78–81. (In Russ.).

Kashin V.A. Neolit Srednei Kolymy. Novosibirsk: Nauka, 2013. 224 p. (In Russ.).

Kashin V.A., Kalinina V.V. Pomazkinskii arkheologicheskii kompleks kak chast' tsirkumpolyarnoi kul'tury. Yakutsk: Severoved Press, 1997. 109 p. (In Russ.).

Kisteniyov S.P. Novye arkheologicheskie pamyatniki basseina Kolymy. In *Novoe v arkheologii Yakutii*. Yakutsk: YaB SB AS USSR Publ., 1980. P. 74–87. (In Russ.).

Kisteniyov S.P. Rodinskoe neoliticheskoe zakhoroneniye i ego znachenie dlya rekonstruktsii khudozhestvennykh i esteticheskikh vozmozhnostei cheloveka v ekstremal'nykh

usloviyakh Krainego Severa. In *Arkheologicheskie issledovaniya v Yakutii*. Novosibirsk: Nauka, 1992. P. 68–83. (In Russ.).

Kozlov V.I. Novye arkheologicheskie pamyatniki Amgi. In *Novoe v arkheologii Yakutii*. Yakutsk: YaB SB AS USSR Publ., 1980. P. 55–61. (In Russ.).

Mochanov Y.A. Mnogosloinaya stoyanka Bel'kachi I i periodizatsiya kamennogo veka Yakutii. Moscow: Nauka, 1969. 255 p. (In Russ.).

Mochanov Y.A., Fedoseeva S.A. Main period of Ancient History of the Northeast Asia. In *Beringia in Cenozoic. Theses of the Reports of All-Union symposium "The Bering Land Bridge and its Role for the History of Holarctic floras and faunas in the Late Cenozoic"* (Khabarovsk, 10–15 of May, 1973). Vladivostok: Eastern Scientific Center of the USSR Academy of Sciences Publ., 1976. P. 515–539. (In Russ.).

Mochanov Y.A., Fedoseeva S.A. Ocherki dopis'mennoi istorii Yakutii. Epokha kamnya: v 2 tomakh. Yakutsk: Center for Arctic Archaeology and Human Paleoecology Publ., 2013. Vol. 2. 485 p. (In Russ.).

Mochanov Y.A., Fedoseeva S.A., Alekseev A.N., Kozlov V.I., Kochmar N.N., Scherbakova N.M. Arkheologicheskie pamyatniki Yakutii. Basseiny Aldana i Olekmy. Novosibirsk: Nauka, 1983. 392 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Neolit i bronzovyi vek Pribaikal'ya (istoriko-arkheologicheskoe issledovanie). Ch. 1–2. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. Moscow; Leningrad: AS USSR, 1950. No. 18. 412 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Neoliticheskie pamyatniki srednei Angary (ot ust'ya r. Beloi do Ust'-Udy). Novosibirsk: Nauka, 1975. 320 p. (In Russ.).

Okladnikov A.P. Neoliticheskie pamyatniki nizhnei Angary (ot Serovo do Bratska). Novosibirsk: Nauka, 1976. 328 p. (In Russ.).

Stepanov A.D., Kuzmin Y.V., Hodgins G.W.L., Jull A.J.T. Kyordyugen site, Ymyiakhtakh culture, Yakutia: An Interpretation of Burial Rite. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013. No. 4 (40). P. 51–61.

Tivanenko A.V. More usheshikh predkov. In *Ilin*, 2005. No. 2. P. 62–70. (In Russ.).

Varavina G.N. Simvolika reki i vodnaya etika korennykh narodov Yakutii (na primere evenov). *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*. 2019. No. 8 (64). P. 159–161. (In Russ.). doi:10.24158/fik.2019.8.26

Varavina G.N. Mirovozzrencheskie i shamanskii traditsii v evenkiiskom fol'klоре. In *Yazyki i kul'tura khomusa narodov Evrazii*. Yakutsk: Severo-Vostochnyi federal'nyi universitet, 2021. P. 423–438. (In Russ.).

Дьяконов В.М. <https://orcid.org/0000-0002-4899-6148>

Соловьёва Е.Н. <https://orcid.org/0000-0001-8920-3696>

Охлопков В.В. <https://orcid.org/0009-0008-2325-9150>

Старков К.И. <https://orcid.org/0009-0009-5350-824X>

Иванов А.А. <https://orcid.org/0009-0006-6799-9615>

Степанов А.Д. <https://orcid.org/0000-0003-2178-4919>

Дата сдачи рукописи: 21.10.2025 г.